

Глава 1. МИР НАДЕЖД И ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Многополярность и многосторонность мира великих держав: нынешние и будущие опасности, потребности и возможности

На сегодняшний день в мировой политике участвует беспрецедентно большое количество разнообразных акторов. В их число входят международные организации, многонациональные корпорации, бизнес-ассоциации, социально-ориентированные НПО, а также и транснациональные террористические и криминальные группировки, - и это только небольшая часть этого списка. Однако, хотя в процессе глобализации количество и типы действующих на международной арене акторов существенно возросли, великие державы, обладающие наибольшим потенциалом экономической мощи и оружием массового уничтожения, сохраняют свое лидерство в сфере международной безопасности. Исходя из этого, основным приоритетом глобального управления в сфере безопасности является поддержание мирных отношений между великими державами. Когда они сотрудничают, управление в сфере безопасности, включая совместные усилия в области кризисного реагирования, работает эффективно; но если великие державы входят в фазу конфронтации между собой, глобальное управление безопасностью становится невозможным, и вероятность крупных вооруженных конфликтов резко возрастает.

Таким образом, в современном мире сохраняется серьезная угроза безопасности, связанная с тем, что в отношениях между великими державами все еще присутствует скрытый и явный конфликтный потенциал, остается ряд дилемм в сфере безопасности, гонка вооружений, противоречия в энергетической сфере. В то же время, неравномерный экономический рост свидетельствует о довольно стремительном сдвиге в структуре глобального управления. Более того, нестабильность среди наиболее слабых государств может вызвать опасный эффект глобальных волнений и спровоцировать разногласия, напряженность и даже вылиться в столкновения между великими державами. Как показывает история, серьезные изменения в глобальном балансе сил весьма опасны и часто заканчивались крупными войнами. Данные тенденции указывают на существующий сегодня потенциал для возникновения конфликта между великими державами, однако для того, чтобы справиться с большинством современных вызовов глобального управления, требуется как раз обратное – сотрудничество между великими державами.

И если способность великих держав обеспечить всеобщее благо в ходе совместных усилий несомненно ограничена, их возможность сотворить «всеобщее зло» практически безгранична. Следовательно, основным движущим мотивом для достижения сотрудничества между великими державами является задача предотвратить «всеобщее зло». И в то же время укрепление взаимного доверия, направленного на предотвращение подобных широкомасштабных негативных явлений, может стать основой для выработки ряда общественных благ, включая самое ценное из них – мир. По мере того, как акцент все больше смещается с недопущения всеобщего зла на создание основ для обеспечения всеобщего блага, возрастает потребность в привлечении к сотрудничеству новых великих держав в целях укрепления легитимности всеобщего многостороннего взаимодействия держав, а также с точки зрения потенциала и ресурсов, которые новые великие державы могут предоставить для общего дела.

1.1 Конфигурация современного распределения силы и власти в мире

Предполагается, что нынешний миропорядок характеризуется гегемонией Запада во главе с США. Однако за последние десять-двадцать лет формирующиеся новые центры силы – регионы (Азиатско-Тихоокеанский например) и великие державы – стали оспаривать подобный мировой порядок. Гегемония Западного мира начала формироваться с окончанием второй мировой войны, преобладала на протяжении «холодной войны» и сохранилась после ее завершения. За биполярной системой времен «холодной войны» последовала так называемая однополярная модель мироустройства; доминирование США оказалось гораздо более длительным, чем можно было ожидать. Сегодня Соединенные Штаты сохраняют лидирующее положение по большинству показателей ресурсного потенциала, начиная от уровня ВВП и заканчивая объемом военных расходов. Однако возникающие в последнее время тенденции позволяют предположить, что в конфигурации баланса сил в мире начались кардинальные изменения: отрыв показателей экономического развития США и других стран Запада относительно снизился по сравнению с аналогичными показателями некоторых новых великих держав (в первую очередь Китая и Индии). А уровень экономической мощи, влекущий соответствующий формальный и неформальный общественный статус, этому уровню соответствующий, является основой политической силы и влияния.

Проецируя развитие этих тенденций в будущее, можно ожидать формирование новых полюсов силы и непосредственных изменений в глобальном мироустройстве: смены лидеров международной системы. Китай, а вслед за ним и Индия, могут обогнать США (по показателям ВВП) значительно раньше 2050 г. В то же время практически все новые державы сталкиваются с серьезными вызовами, в том числе внутренними и международными кризисами, а значит их путь к статусу полноценных великих держав вряд ли будет легким. Тем не менее, если точные долгосрочные прогнозы, как известно, весьма ненадежны, общую тенденцию и ее последствия для развития миропорядка вряд ли можно отрицать. Уже сейчас это заметно отражается на мировой политике, поскольку многие акторы начали действовать исходя из ожидаемых сдвигов баланса сил в мире.

Тем временем стало ясно, что Вашингтон больше не в состоянии обеспечить эффективное управление в сфере международной безопасности; это касается как непосредственных действий США, так и использования трансатлантических механизмов. Такое положение вещей привело к вакууму лидерства в критический период изменений в международной системе. При этом такие формирующиеся державы, как Китай и Индия, активно продвигают свой собственный взгляд на систему международных отношений и требуют расширения своего участия в глобальном процессе принятия решений. В мире, где рыночная сфера и сфера безопасности носят глобальный характер, «вашингтонский консенсус», «брюссельский консенсус», «пекинский консенсус», «делийский консенсус», «московский консенсус», и другие складывающиеся форматы миропорядка – будут постоянно взаимодействовать и оказывать влияние друг на друга. Помимо сдвигов в балансе сил среди государств-лидеров, существует ряд других обстоятельств, которые также требуют новых соглашений в сфере управления глобальной безопасностью: с изменением критериев легитимности роль Запада как представителя интересов всего международного сообщества ставится под вопрос. В то же время значение новых держав в решении глобальных проблем постепенно возрастает. Ввиду масштабности последствий любых

социальных переворотов в ведущих государствах мира, которые могут привести к развитию негативных внутриполитических тенденций, в первую очередь национализма, а также стать серьезным препятствием для скоординированных и эффективных международных усилий по решению глобальных проблем, задачи формирования в странах новой стабильной внутриполитической системы, основанной на социальной справедливости, а также стабильной глобальной рыночной экономической системы не могут быть решены каким-либо одним государством или объединенным Западом в одиночку.

1.2 Карта вызовов современной цивилизации

В отличие от предшествующего периода, когда войны регулярно вспыхивали из-за конкуренции между странами, за последние десятилетия крупномасштабные межгосударственные войны, особенно между великими державами, практически исчезли. Эта позитивная тенденция послужила основой для формулирования тезиса об «устаревании войны». Однако подход к рассмотрению мирного состояния отношений между великими державами как к естественному результату развития благоприятных структурных обстоятельств упускает из вида, сколь много серьезных усилий и политического благоразумия требовалось для предотвращения войны между великими державами в период после 1945 г., в том числе для предотвращения ядерного конфликта, а также то, что имело место чистое везение. Поэтому, даже если согласиться с тезисом о том, что война между великими державами сегодня менее вероятна, чем в конце XIX в., первой половине XX в. или на протяжении периода «холодной войны», не следует исключать опасность возникновения внезапных столкновений или вероятность постепенной, но в конечном итоге фатальной, эскалации. Последствия любой войны между современными (в большинстве своем ядерными) великими державами выходят далеко за рамки того, что человечество переживало до сих пор, и могут привести к концу цивилизации как таковой.

1.2.1 Структурные риски: конец гегемонии, силовые сдвиги, смена власти

Сегодня наблюдается две основные структурные тенденции в глобальных межгосударственных отношениях: окончание доминирования США, сохранявшегося в пост-биполярный период, наряду с возможным подъемом Китая – и на более поздних этапах также и Индии, - до уровня мощи Соединенных Штатов, или даже до более высокого уровня. По сравнению со статичной ситуацией биполярной конфронтации, ситуация конкуренции между несколькими великими державами заметно затрудняет управляемость мировой системы с точки зрения дипломатических отношений и баланса сил. На данный момент в мире отсутствует опыт прекращения глобальной гонки вооружений (в том числе ядерной), переплетающейся с региональными гонками вооружений. Более того, в многополярной мировой политической системе, в которой существует большое количество очагов конфликтов, может сформироваться жесткая биполярная конфронтация альянсов государств, т.е. возникнет конфигурация, в которой будет отсутствовать долгосрочная относительная стабильность биполярной системы, и в которой эскалация любого конфликта может происходить очень быстро. Ситуация еще больше осложняется возможностью автономных действий государств с «девиантными» (отклоняющимися от нормы) политическими интересами. Это может привести к расколу и напряженным отношениям между великими державами, послужив тем самым катализатором конфликта.

Более того, период изменения баланса сил в мире существенно отличается от порядка, обусловленного гегемонией одной или двух держав (хотя следует принять во внимание, что система гегемонии сама по себе также провоцирует противодействие и сопротивление). Изменение баланса сил в мире – иными словами, смена лидеров на вершине международной пирамиды господства – создает риск мощной обратной реакции как со стороны новых держав, так и со стороны государств, защищающих свою гегемонию. Обе стороны стремятся управлять и контролировать международный порядок, включая все его нормы, режимы и институты, который был установлен доминирующей державой и ее союзниками, претендовавшими на этом основании на получение большинства преимуществ и выгод. Преимущества могут носить как материальный характер (богатство, безопасность), так и быть нематериальными (статус, признание, справедливость). Тем временем поднимающиеся новые державы борются за свое «место под солнцем»: они отвергают нормы и институты, которые не отражают их собственные интересы и ценности, а также требуют равного статуса с державой-гегемоном и другими признанными великими державами, причем часто делают это задолго до достижения реального потенциала силы. Как правило, признаваемый другими социальный статус страны меняется гораздо более медленными темпами, чем происходит наращивание материальной мощи. С другой стороны, защитники существующего миропорядка, как правило, борются за сохранение своих сфер влияния и преимуществ сохранения статуса-кво; они стремятся принять меры, которые предотвратили и воспрепятствовали бы возникновению новых претендентов на мировое лидерство в будущем. Относительно слабые государства (и даже среднеразвитые страны) пытаются играть более активную роль на международной арене, протестуя против политики держав-лидеров или проводя «девиантную» политику. Очевидно, что такая конфигурация чревата высокими рисками. Тем временем, поднимающиеся новые державы также могут вступать в серьезные конфликты друг с другом по поводу своего относительного статуса и ранга.

По состоянию на сегодняшний день, вооруженный конфликт между США как бывшей сверхдержавой, их европейскими союзниками, которые стремятся сохранять свой ранг/статус, и недавно увилившимися державами не является неизбежным, но он вполне вероятен. В то время как одни пытаются удержать свое лидерство в рамках институтов и системы управления, созданной после окончания второй мировой войны, другие призывают пересмотреть ранг и статус держав в соответствии с текущим и будущим распределением силы. Более того, также не следует исключать борьбу за сферы влияния между новыми великими державами. Дополнительную сложность представляют усилия России по восстановлению статуса Ю сопоставимого со статусом бывшей сверхдержавы – Советского Союза – даже несмотря на то, что реальные ресурсы страны значительно уменьшились. В подобной ситуации заложен вызывающий беспокойство потенциал эскалации напряженности и возможных конфликтов, поскольку каждая из сторон считает свою позицию легитимной, а свои требования рассматривает как принципиальный вопрос достижения справедливости.

С другой стороны, далеко не все периоды смены стран-лидеров в истории заканчивались войной. Неудовлетворенность новых держав зачастую исчезает, как только их требования равного статуса удовлетворяются; предоставление статуса также нивелирует конфликты между самими новыми державами. Страх потери статуса гегемона проходит, как только исчезает риск серьезной потери влияния, и одновременно подтверждается статус в рамках коллективного лидерства в долгосрочной перспективе. Задача перераспределения статуса является очень сложной и требует серьезных усилий и благоразумных действий со стороны политического

руководства всех великих держав, точно так же, как того требовало поддержание мира в период «холодной войны».

1.2.2 Конфликты интересов и проблемы управления

Вероятно, что в ближайшие десятилетия четыре державы будут определять состояние мира и войны на глобальном уровне: США, Китай, Индия и Россия. Эти четыре государства – на основе своей нынешней или возникающей мощи, конфигурация их альянсов и конфликтов, а также их способность строить конструктивные отношения или вызывать беспорядки – скорее всего, займут лидирующее положение на международной пирамиде власти, и, тем самым, именно они станут основными соперниками.

Эти четыре державы представляют четыре различные системы правления, основанных на разном мировоззрении. Исходя из этого, их отношения основаны на скрытых противоречиях, что существенно затрудняет совместное урегулирование конфликтов и сотрудничество в сфере безопасности. Историческое развитие и исторический опыт этих государств принципиально разные, что формирует расходящиеся взгляды на ряд ключевых вопросов международной политики. Например, США рассматривают суверенитет других как переменную величину, зависящую в зависимости от соблюдения ими определенных стандартов государственного управления. В то же время для трех других государств суверенитет остается незыблемой ценностью. Те страны, суверенитет которых на протяжении последних столетий находился под угрозой, подвергался эрозии или даже аннулировался в ходе колониализма и/или войн – в особенности это касается Китая и Индии – не готовы применять концепцию «условного суверенитета» в своей политике. Более того, применение военной силы для разрешения международных кризисов и противоречий между государствами также во многом зависит от (политической) культуры. Все эти факторы усугубляют разногласия в и без того напряженных отношениях.

Китай, Индия и Россия рассматривают незыблемость своего национального суверенитета и территориальной целостности в качестве основного приоритета. В то же время, во всех трех странах существуют вызовы безопасности со стороны сепаратистских, экстремистских или иных сил: в России - на Северном Кавказе, в Индии со стороны сепаратистских сил в Кашмире и северо-восточных штатах, исламистских и индуистских экстремистов, в Китае на Тибете, а также в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе. В наибольшей степени Китай видит угрозу своей территориальной целостности в связи со спором вокруг Тайваня. Более того, все три государства принципиально отвергают внешние попытки вмешательства в свою внутреннюю политику, особенно в области прав человека.

Ключевые интересы России включают восстановление статуса мировой державы, достижение нового статуса энергетической сверхдержавы, а также сохранения своего влияния на постсоветском пространстве. Это привело к напряженным отношениям с США, которые стремятся вывести бывшие советские республики из сферы влияния Москвы (в том числе и путем принятия некоторых из них в НАТО), а также усилить американское влияние на Кавказе и в Центральной Азии. Во взаимодействии России и США, которое во многом определяется стремлениями России восстановить статус сверхдержавы, господствует недоверие, несмотря на все попытки произвести «перезагрузку» отношений. Россия обвиняет США в том, что

Америка действует в качестве «политического инженера» как в стратегически важных для России регионах, так и в вопросах внутренней политики, например, поддержки оппозиционных движений. Расширение НАТО вплоть до границ России и неразрешенные споры по вопросу сокращения ядерных арсеналов и создания системы ПРО остаются серьезным камнем преткновения. С другой стороны, Россия стремится к углублению экономического сотрудничества с Европой, а также развитию стратегического партнерства с Индией и экономическому сотрудничеству с Китаем.

Проблемы безопасности Индии связаны в первую очередь с Пакистаном, Китаем, вопросами мировой экономики и изменения климата. В целом, Индия считает, что она не обладает достаточным количеством ресурсов для решения проблем безопасности, и поэтому стремится быть скорее не поставщиком услуг безопасности, а их потребителем. У Индии вызывают опасения наращивание экономической и военной мощи Китая, а также сохраняющиеся претензии Китая на территорию Аруначал-Прадеш, в настоящее время входящую в состав Индии. В то же время в Китае также существует озабоченность в связи с территориальным спором с Индией вокруг территорий Аруначал-Прадеш/Южного Тибета, которые могут стать потенциальным источником войны, а также в связи с тем, что Индия предоставила политическое убежище для изгнанного правительства Тибета, что рассматривается Китаем как угроза его территориальной целостности. В результате, Индия пошла на сближение с США, избегая при этом вступления в формальные альянсы и поддерживая позицию Америки в ходе голосований в Генеральной Ассамблее ООН только в 25% случаев. И хотя Индия с подозрительностью относится к Китаю в вопросах «жесткой» силы, в таких других ключевых сферах интересов, прежде всего в вопросах «мягкой» безопасности как изменение климата, развитие мировой экономики, а также недопустимость «гуманитарной интервенции», китайская позиция оказывается для Индии гораздо более приемлема, чем западный подход. Как Китай, так и Индия разделяют озабоченность по поводу возможного протекционизма Запада. Еще больше опасений у обоих государств вызывает концепция «обязанности защищать» население других стран от произвола их правительств. Также обе державы считают, что ответственность за последствия климатических изменений лежит на странах Запада.

Китай уверен, что Вашингтон пытается уравновесить или даже сдержать его «мирное развитие» как на международном, так и на внутривластном уровне. Китай считает себя жертвой политики окружения (в том числе из-за «разворота» американской внешней политики в сторону Азии, несмотря на все заявления Вашингтона о том, что его действия не направлены против Пекина) и видит в США основное препятствие для осуществления своей заветной цели национального воссоединения, поскольку Америка продолжает покровительствовать Тайваню. С точки зрения Китая, развитие глобальной американской системы противоракетной обороны, планы Вашингтона по развитию космического военного потенциала, а также серьезное превосходство Америки в области стратегических наступательных сил подрывают эффективность китайского потенциала ядерного сдерживания. Хотя в принципе Китай ориентирован на поддержание хороших отношений с Россией, существует ряд проблем, которые негативно влияют на российско-китайские отношения, в том числе беспокоящие Пекин поставки российского оружия в страны АСЕАН, а также беспокоящее Москву усиление влияния Китая в Центральной Азии. Кроме этого, Россия озабочена иммиграцией китайцев в районы Восточной Сибири, и оба государства с опасением относятся к усилению друг друга.

Для США ключевыми приоритетами остается поддержание стабильности в жизненно важных регионах Европы и Азии, беспрепятственные поставки нефти из региона Персидского залива, а также адаптация международной системы в соответствие с подъемом новых великих держав, в первую очередь Китая. Основная проблема для Вашингтона состоит в том, каким образом достичь данных целей в тот период, когда сдерживающие факторы ограничения все больше усиливаются, включая проблемы денежной платежеспособности и возрастающее нежелание собственных граждан поддерживать все глобальные обязательства Америки.

Таким образом, в отношениях между всеми четырьмя державами существует напряженность разного уровня, за исключением отношений между Индией и Россией, а также Индией и США. Две конфликтные конфигурации обладают высоким потенциалом опасности, две другие – средним (в этом случае одной из сторон выступает Россия). Отношениями, сопряженными с высоким риском конфликта, являются отношения между Китаем и США, а также Китаем и Индией. Вероятно, что в ближайшем будущем наиболее опасной проблемой станет морское противостояние в Юго-Восточной Азии с участием Китая, который предъявляет территориальные претензии к Японии и странам АСЕАН, а США выступает в качестве их гаранта их защиты. В то же время Китай полагает, что его легитимные интересы как морской державы в Тихом океане не учитываются должным образом со стороны США. Кроме того, в любой момент может разгореться конфликт вокруг Тайваня. Между Китаем и Индией существует неразрешенные территориальные споры. Китай также остается значимым фактором в непрекращающемся конфликте между Индией и Пакистаном. В дополнение к этому, Китай предостерег Индию не присоединяться к США как гаранту морской защиты противостоящих ему государств в регионе стран АСЕАН, где Соединенные Штаты, Китай и Индия втянуты в гонку морских вооружений, все больше распространяющуюся и на Индийский океан. В такой конфигурации, в беспорядки внутри и между небольшими государствами могут быть втянуты великие державы, как это было во времена холодной войны.

Более того, США, Россия, Китай и Индия вовлечены в зарождающуюся гонку ядерных вооружений, спровоцированную изменениями в потенциале, превосходством США в сфере стратегических наступательных вооружений и планами США по созданию национальной системы ПРО. Эти тенденции рассматриваются Россией и Китаем как угроза существованию системы ядерного сдерживания. Два этих государства предпринимают соответствующие контрмеры: Россия осуществляет замену старых ракет на новые, а Китай проводит последовательную модернизацию своего ядерного арсенала. Поскольку Индия будет определять свою политику в области сдерживания исходя из позиции Китая, одновременно идет несколько пересекающихся друг с другом гонок вооружений, которые угрожают стабильности, и которые еще больше усилятся по мере перемещения этого соперничества в космос.

В киберпространстве разворачивается еще одно, совершенно новое измерение конфликта и соперничества. По мере того как сложное вредоносное программное обеспечение анонимно создается и применяется против критических инфраструктурных объектов, военных, корпоративных и государственных сетей во многих странах, великие державы все больше приближаются к началу кибервойн. Россию и Китай обвиняют в осуществлении массивной шпионской деятельности и скрытых кибератаках, проводимых в политических целях, против своих конкурентов и партнеров на международной арене. Предположительно, США в сотрудничестве с Израилем также разрабатывали и применяли высокотехнологичное кибероружие, в том

числе использованное в атаке на ядерную инфраструктуру Ирана в период с 2008 по 2011 гг. В последнее время США также обвинялись в широкомасштабном кибершпионаже против своих европейских союзников. Как правило, преступников, осуществивших кибератаку, очень сложно отследить, а в международном праве отсутствуют нормы, которые запрещали бы или предотвращали бы преступную деятельность в киберпространстве. С учетом этого, в киберпространстве мир постепенно движется к гоббсовскому состоянию «войны всех против всех».

Существует также риск неконтролируемого развития событий, связанный с растущей потребностью в нефти у Запада, Китая и Индии, что может превратить Персидский залив в потенциально горячую точку конфликта. Даже если борьба за ресурсы и не приведет к возникновению конфликта, поскольку новые ректификационные технологии могут уменьшить зависимость Запада от нефти Персидского залива, ситуация на Ближнем Востоке останется нестабильной вследствие пересечения интересов великих держав в этом регионе. Ряд проблем, начиная от «арабской весны» и заканчивая такими однозначно опасными явлениями как гражданская война в Сирии, палестино-израильский конфликт, а также непрерывный конфликт по поводу иранской ядерной программы свидетельствуют о необходимости сотрудничества между великими державами. Существуют потенциальные опасности, связанные с отсутствием такого сотрудничества, а также конфликты, которые могут возникать в ходе такого сотрудничества (например, разногласия между Западом и Россией / Китаем в подходе к решению проблем Сирии и Ирана).

Несмотря на эти конфликты, все великие державы на сегодняшний день, к счастью, также имеют ряд общих интересов, направленных на укрепление стабильности, включая ликвидацию угрозы терроризма, противодействие распространению оружия массового уничтожения (ОМУ), а также предотвращение вооруженных конфликтов, обладающих потенциалом эскалации. Более того, для решения некоторых глобальных проблем управления требуется большая координация действия между великими державами. Великие державы все больше и больше вовлечены в мировую экономику, в развитие многочисленных сфер взаимозависимости, которые формируют общие экономические интересы на двустороннем уровне, а также способствуют экономической стабильности в целом, сопровождаемой стабильным, устойчивым ростом.

Все вышеперечисленные конфликты обладают различной интенсивностью. На данный момент ни один из них не вылился в крайний антагонизм. Тем не менее, хотя конфликты кажутся поддающимися урегулированию сами по себе, скрытые в них угрозы многократно возрастают при сочетании со структурными тенденциями, которые лежат в основе отношений между великими державами сегодня. Кроме того, для сотворения всеобщего зла требуется гораздо меньше усилий, чем для достижения всеобщего блага. Структурные риски, а также существующие между великими державами конфликты негативно влияют на характер существования не только самих участников конфликтов, но и всего международного сообщества. Комбинация последствий текущих конфликтов и риски, связанные с перераспределением международного влияния, в том числе изменения баланса сил в мире, способны привести к максимальному всеобщему злу: «холодной» или даже реальной войне между великими державами.

Великие державы, однако, могут также быть втянутыми в конфликты с более слабыми государствами или в конфликты между слабыми странами, представляющими интерес для других великих держав. Кроме того, существуют и другие глобальные проблемы, которые могут быть решены только путем скоординированных действий. К ним относятся мировой финансовый кризис (который уже привел к появлению формата

«Большой двадцатки»), кризисы, связанные с несостоявшимися государствами, гуманитарные интервенции, глобальная борьба с терроризмом и экстремизмом, преодоление последствий глобального потепления и изменения климата, проблемы миграционных потоков, эпидемии, а также конкуренция за основные ресурсы и энергию. Хотя существующие международные институты предоставляют форумы для решения некоторых из этих проблем, попытки решить их эффективно часто заканчиваются провалом из-за отсутствия сотрудничества между великими державами, а также в связи с тем, что великие державы часто отдают приоритет вопросам своего статуса, престижа и лидирующих позиций в рамках соответствующих групп.

Для того, чтобы найти пути решения этих проблем и сделать глобальное управление более эффективным, великим державам прежде всего необходимо создать регулярный механизм коллективных консультаций и сотрудничества, а также включить в этот процесс других акторов, особенно, когда затрагиваются интересы отдельных государств.

Часто встречаясь и взаимодействуя в рамках такого концерта для решения общих проблем, великие державы могли бы развить более сильное чувства долга и ответственности по глобальным вопросам, одновременно укрепляя взаимное доверие. Стабильные рабочие отношения могут способствовать установлению и обеспечению прочного мира, а также позволят великим державам направить свои силы на решение актуальных глобальных проблем. Тем не менее, сотрудничество маловероятно, когда акторы запутались в паутине конфликтов, и полностью исключено в случае войны между великими державами. Таким образом, насущные глобальные проблемы останутся нерешенными в ситуациях конкуренции между великими державами и возникновении вооруженных конфликтов.

Поэтому сотрудничество между великими державами должно в первую очередь быть сосредоточено на вопросах войны и мира, и во вторую - на проблеме создания коллективного руководства, направленного на повышение эффективности глобального управления. Это подразумевает последовательное решение как проблемы существующих конфликтов между великими державами, так и проблемы структурных рисков, связанных с изменением баланса сил в мире, пока конкуренция не вышла из-под контроля.

1.3 Намечая путь к решениям: «концерт великих держав», основанный на глобальной многосторонности

Подводя итоги вышесказанному: ситуация, когда великие державы действуют поодиночке и решают споры в критический момент, характеризующийся перераспределением и диффузией власти в мировой политике, может иметь серьезные негативные последствия. Возможность контролировать действия великих держав извне или подчинить их единой глобальной власти не представляется реалистичной. Баланс сил, сформированный ядерным сдерживанием, слишком нестабилен и опасен, чтобы стать основой миропорядка. Единственным жизнеспособным решением является самоограничение и согласование интересов под управлением «концерта великих держав» в рамках нового многостороннего формата.

«Концерт великих держав», встроенный в более широкую систему мультилатерализма:

1) обеспечил бы как новым, так и существующим великим державам право голоса в рамках любого мирового порядка, используя подход, признаваемый легитимным менее сильными государствами;

2) позволил бы великим державам, обладающим различными идеологиями, историей и культурным наследием, взаимодействовать в неконфронтационном ключе;

3) обеспечил бы форум, в рамках которого могли бы проходить неофициальные консультации, в отсутствие давления существующих формальных многосторонних форумов, таких, как, например, Совет Безопасности ООН;

4) формировал бы общее понимание и общее чувство ответственности среди великих держав.

Таким образом, подобный «концерт великих держав» был бы направлен на:

1) предотвращение вооруженного конфликта между самими великими державами;

2) поддержание политического равновесия, характеризующегося самоограничением и признанием законных интересов других держав, а также признание того, что безопасность является взаимозависимой;

3) содействие совместной деятельности в областях, связанных с безопасностью;

4) создание предпосылок для совместной деятельности, связанной с другими проблемами управления.

Такой «концерт» должен быть основан на широком своде принципов, которыми руководствуется его участники при проведении государственной политики. Институционализация «концерта» великих держав может быть, как детальной, так и общей, в зависимости от предпочтений его членов и пути его формирования. Подобным образом, такой «концерт» может функционировать как в ограниченном (фокусировка исключительно на проблемах безопасности), так и в широком (занимаясь все большим числом вопросов глобального управления) форматах. Скорее всего, изначально «концерт» будет создан в довольно ограниченном формате и будет слабо институционализирован. В конечном итоге, его окончательная форма будет представлять собой продукт политического взаимодействия и консенсуса между его потенциальными участниками, а не научно разработанный рецепт.